

Редьярд Киплинг

Три солдата (сборник)

Редъярд Киплинг
Три солдата (сборник)

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Три солдата (сборник) / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888

«Когда вещи снова были в доме, я даже не попросил бакшиша, а, потушив фонари своей одноколки, помчался в противоположную сторону от экипажей. Вдруг я увидел валявшегося на дороге негра и соскочил с козел, чуть не наехав на него. Право, мне казалось, что в эту ночь Провидение за меня. Это был Джунги; его нос совсем расплющился; он весь онемел, окоченел. Вероятно, его скинули с козел. Мошенник скоро очнулся. „Тс!“ – сказал я ему, но он завыл...»

Содержание

Deux ex machina	6
Рассказ рядового Леройда	11
Опьяневшая партия отслуживших срок	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Редьярд Киплинг

Три солдата (сборник)

* * *

Deux ex machina

Ударь мужчину, помоги женщине, и вряд ли ты поступишь несправедливо.

Одно из многих изречений рядового Мельваней

«Невыразимые» давали бал. Они взяли у артиллеристов семифунтовик, увилив его лаврами, натерли пол для танцев, так что он стал гладким, как лед, приготовили такой ужин, какого никто никогда не едал, и у дверей комнаты поставили двух часовых, поручив им держать подносы с программами. Мой друг, рядовой Мельваней, был одним из этих часовых, так как он принадлежал к числу самых рослых малых в полку. В разгаре танцев часовых освободили, и Мельваней пошел помогать сержанту, который заведовал ужином. Не знаю, сержант ли отдал, или Мельваней взял, одно верно: во время ужина я увидел, что на крыше моей кареты сидят Мельваней и рядовой Орзирис с большим куском окорока, с караваем хлеба и с половиной страсбургского пирога, а также с двумя бутылками шампанского. Поднимаясь на карету, я услышал, как Мельваней говорил:

– Еще хорошо, что танцы бывают реже, чем дежурства, не то, честное слово, Орзирис, сынок мой, я не был бы, как говорится, лучшей жемчужиной в короне полка, напротив, осыпал бы его.

– Передай-ка мне любимое зелье полковника, – сказал Орзирис. – Но почему ты клянешь свою порцию? Это пенистое пойло – недурная штука.

– Ах ты, невежественный дикарь: пойло! Шампанское мы пьем, пойми – шампанское! И я совсем не против него. Вся беда в истории с маленькими кусочками черной кожи. Знаю, что из-за них я к утру буду совсем болен. И что это такое?

– Гусиная печенка, – сказал я, поднимаясь на крышу кареты. Я знал, что сидеть с Мельванеем интереснее, чем танцевать.

– Гусиная печенка? Вот что! – сказал Мельваней. – Право, я думаю, следовало бы вырезать печенку из сержанта Меллинса. В жаркие дни и холодные ночи у него уйма печенки. Целые бочки! И он говорит: «Сегодня я весь печенка», – и посылает меня на десять дней в карцер за самый крошечный стаканчик, который когда-либо вливал в себя хороший солдат.

– Мельваней взяли под арест, когда он вздумал купаться во рву форта, – пояснил мне Орзирис. – Он находил, что, на взгляд всякого богобоязненного человека, в баррацких бочонках для воды слишком много пива. Еще тебе повезло, Мельваней, ты легко отделался.

– Ты находишь? А мне сдается, что со мной поступили жестоко в сравнении с тем, что я делал прежде, в те дни, когда мои глаза видели яснее, чем теперь. Боже ты мой, сержант пришил меня! Это меня-то, который спас репутацию человека лучше его. Он поступил гнусно, и это доказательство власти зла.

– Бросьте толки о власти зла, – сказал я. – Чью репутацию вы спасли?

– Можно пожалеть, что не свою собственную, но я вечно хлопотал о других больше, чем о себе. И всегда я был такой, всегда совал нос в чужие дела. Ну, слушайте. – Он устроился поудобнее. – Я вам расскажу. Понятно, без настоящих фамилий, так как в дело была замешана офицерская леди; не скажу я вам также, где произошло дело; место может выдать человека.

– Ладно, – лениво протянул Орзирис, – видимо, будет запутанная история.

– Во времена оны, как говорится в книжках, я был рекрутом.

– Да неужели? – насмешливо сказал Орзирис. – Это удивительно!

– Орзирис, – произнес Мельваней, – попробуй еще раз открыть рот... и я, извините, сэр, я схвачу тебя за штаны и швырну!

– Хорошо, молчок! – ответил Орзирис. – Так что же случилось, когда ты был новобранцем?

– Я служил лучше, чем ты, но не в том дело. Скоро я возмужал, ах, каким же молодцом был я пятнадцать лет тому назад! Меня звали «Бык Мельваней», и, ей-ей, я нравился женщинам, они так и льнули ко мне. Честное слово!.. Орзирис, эй ты, малыш, чего скалишь зубы? Не веришь, что ли?

– Нет, нет, – сказал Орзирис, – но я уже слышал это.

В ответ на его дерзость Мельваней только высокомерно махнул рукой и продолжал:

– Офицеры полка, в котором я служил, были истыми офицерами; все – благородные люди, воспитанные, с такими хорошими манерами, каких теперь не увидишь. Все были хороши, кроме одного капитана. Скверная выправка, слабый голос, некрепкие ноги... А эти три вещи – признаки плохого служаки. Запомни это, Орзирис, мой сынок!

У нашего полковника была дочь; одна из тех овечек, которые точно шепчут: «Ах, подними меня и неси на руках, не то я умру». Такие создания – настоящая добыча для людей, вроде капитана; и он вечно вертелся около нее, ухаживал за ней, хотя полковник то и дело повторял дочке: «Пожалуйста, милочка, подальше от этого животного». Тем не менее отец не решался отослать ее куда-нибудь подальше от греха: он давно овдовел, и кроме нее у него не было никого.

– Погодите, Мельваней, – остановил я рассказчика, – как вы узнали все это?

– Как? – презрительно крикнув, сказал Мельваней. – Правда, я, стоя на дежурстве, обращаюсь в деревянный чурбан, но разве из-за этого я должен, как слепой, держать... держать канделябр в руке, пока вы собираете карты, разве не смею видеть и чувствовать? Нет, я вижу все. На дежурстве, когда мои настоящие глаза смотрят в одну точку, у меня на спине, в башмаках и в коротких волосах на затылке сидят другие глаза. Откуда я знаю? Поверьте слову, сэр: в полку всегда известно все и еще больше, чем все; в противном случае, к чему годился бы сержант офицерской столовой? Зачем также жена этого сержанта купала бы майорского ребенка? Одним словом, вот что: капитан имел плохую выправку, отчаянно плохую, и, в первый раз окинув его взглядом, я сказал себе: «Ах ты, бентамский петушок из милиции! Петушок из Госпорта! (Он явился к нам из Портсмута.) Придется тебе пообрезать гребешки; это я-то думаю, и, по милости Божьей, Теренс Мельваней обстрижет их».

Вот он принялся кружить около дочери полковника, мурлыкал, напевал и выделял всякие шуры-муры, а эта невинная бедняжка смотрела на него, точь-в-точь как комиссариатский бык на полкового повара. У него были скверненькие, торчащие черненькие усишки, и каждое-то слово он закручивал и изворачивал. Ох! Это был хитрый человек и по природе лгун. Есть прирожденные лгуны. Вот и он был таким. Я знал, что он по уши в долгу; кроме того, знал я о нем еще много разных разностей, но из уважения к вам, сэр, умолчу о них. Часть известного мне знал и полковник; он не хотел иметь с ним дела, и, судя по тому, что произошло позже, капитан подозревал это.

Вот раз офицеры и офицерские леди, вероятно со скуки, а то они не затеяли бы ничего подобного, решили устроить любительский театр. Вы много раз видели эти зрелища, сэр, и знаете, что это плохая забава для тех, кто сидит на заднем ряду и колотит ногами о пол, ради чести своего полка. Мне приказали быть за сценой, тащить это, поднимать то. Дело было нетрудное и даже приятное, благодаря пиву и девушке, одевавшей офицерских леди... (Она умерла в Агтра, двенадцать лет тому назад.) Они играли штуку, которая называется «Обрученные»; вы, может, слышали о ней? И дочь полковника представляла горничную. А капитан был малым по имени Брум, Сприт Брум звали его в пьесе. Тогда-то я и увидел то, чего не замечал раньше, а именно, что он не джентльмен. Они слишком много бывали вместе, эти-то двое! И все шушукались, прячась за декорациями, которые я менял; кое-что я слышал, и мне хотелось, до смерти хотелось, обрезать ему гребешок. Он все шептался с ней, уговаривал ее согласиться на какой-то

скверный план; она пыталась противиться; только видно было, что воли у нее немного. Удивляюсь, право, что в те дни мои уши не выросли на целый ярд, я так усердно слушал! Но я делал вид, что ничего не замечаю; поднимал одну вещь, опускал другую; все как полагалось, и, думая, что я не могу слышать, офицерские леди говорили между собой: «Какой услужливый молодой человек этот капрал Мельваней». Я был тогда капралом. После меня понизили, но все равно, в свое время я был капралом.

Хорошо-с, дело шло, как обыкновенно при любительских представлениях, и хотя я подозревал многое, но только во время репетиции в костюмах мне стало ясно, что эти двое – негодяй и дурочка (какой ей и полагалось быть) – решились на «уклонение».

– На что? – спросил я.

– На уклонение. Вы называете это побегом. Исключая те случаи, когда все совершается по правилам, – отвратительно и грязно увозить от родителей единственную дочь, девушку, которая сама себя не понимает. В комиссариате был сержант, и он объяснил мне, что такое уклонение. Я вам расскажу...

– Продолжай об этом проклятом капитане, Мельваней, – прервал его Орзирис, – комиссариатские сержанты дело неинтересное.

Мельваней признал справедливость его замечания и продолжал:

– Я понимаю, что ни полковник, ни я не дураки; меня считали самым бойким солдатом в полку, а полковник был лучшим командиром в целой Азии. Итак, все, что говорили он или я, было сущей правдой. Мы оба знали, что капитан дурной человек, но по причинам, о которых я уже раз умолчал, мне было известно больше, чем моему полковнику. Я, скорее, исколотил бы капитана прикладом моего ружья, чем позволил бы ему украсть девушку; все святые знают, что, женится он на ней или не женится, ей все равно пришлось бы мучиться, и, во всяком случае, вышел бы дьявольский скандал. Но я никогда не поднимал руку на своего офицера... Однако теперь, вспоминая о прошлом, считаю это чудом.

– Мельваней, светает, – сказал Орзирис, – а мы не ближе к делу, чем были в самом начале. Одолжи мне свой кисет. В моем – труха.

Мельваней подал ему свой кисет, набил заново и собственную трубку.

– Последняя репетиция подходила к концу. Меня мучило любопытство, и потому я остался за кулисами, когда декорации сменили. Я лежал под какой-то штукой с нарисованным коттеджем и распластался, как мертвая жаба. Эти двое шептались; она вздрагивала и хватала ртом воздух, точно только что вытасченная на берег рыба. «Уверены ли вы, что все готово?» – говорит он или произносит «слова подобного значения», как выражаются во время военных судов.

– Верно, как смерть, – говорит она, – только мне кажется, мы поступаем ужасно жестоко по отношению к моему отцу.

– К черту вашего отца, – говорит он или что-то в этом роде. – Все устроено, все ясно. По окончании дела Джунги подаст карету, вы преспокойно приедете на станцию к двухчасовому поезду; а в вагоне буду я с вашей одеждой.

«Ага, – думаю, – значит, в дело замешана ее айя (туземная няня). Айи – ужасно скверная вещь. Не связывайтесь с ними!» Тут капитан принялся умасливать бедняжку, а тем временем офицеры и офицерские леди ушли; свет потушили. Для объяснения «теории бегства», как говорят мушкетеры, вам следует узнать, что после дурацких «Обрученных» разыгрывали пьеску под названием «Парочки», в которой речь шла о «парочках» того или иного рода. Девушка играла в ней, капитан – нет. Я подозревал, что после окончания пьесы он отправился на станцию с ее вещами. Меня особенно беспокоили эти вещи; ведь я знал, как неприлично офицеру, капитану, шататься по свету с бог знает каким «трузо» на руках, что это вызовет сплетни.

– Погоди, Мельваней. Что это за «трузо»? – спросил Орзирис.

– Сын мой, ты невежественный парень. Когда девушка выходит замуж, ее наряды и все остальное называются «трузо». ¹ То же самое бывает, когда она бежит, хотя бы с самым отъявленным негодяем во всех списках армии.

Итак, я придумал план кампании. Дом полковника стоял на расстоянии добрых двух миль от театрального барака. Наступило время спектакля. «Денис, – говорю я моему черному сержанту, – если ты меня любишь, одолжи мне на время твою одноколку, потому что у меня сердце не в порядке, и ноги мои разболелись от хождения взад и вперед». И Денис дал мне одноколку, а в нее был запряжен прыгающий, брыкающийся рыжий конь. Когда все приготовились к первой сцене «Обрученных» (она была очень длинная), я выскользнул из барака и шмыгнул в экипаж. Мать небесная! Задал я рыжему жару, и он влетел во двор полковника, как дьявол, на задних ногах. Дома были только слуги; я прокрался к черному ходу и встретил айю.

– Ах ты, бесстыдная черная Иезавель, – говорю я ей, – ты за пять рупий продаешь честь своего господина; уложи-ка всю одежду мисс-сахиб, да живей! Это приказание капитана-сахиба. Мы едем на станцию. – Замолчав, я прижал свой палец к своему же носу с видом отчаянного плута.

– Хорошо, – сказала айя; тут я окончательно убедился, что она в заговоре, принялся говорить этой корове все сладости когда-либо слышанные мной на базарах, и попросил ее торопиться. Пока айя укладывала вещи, я стоял возле дома и покрывался потом: ведь в театре ждали, чтобы я сменил декорации для второй сцены, и я отлично знал это. Ну, признаюсь, для бегства молодой девушки нужно собрать столько же вещей, сколько берет целый полк для перехода. «Да помогут святые рессорам Дениса, – подумал я, навалив на одноколку все эти узлы да тюки, – потому что от меня им не ждать пощады».

– Я тоже еду, – сказала айя.

– Нет, не едешь, – отвечаю я, – приедешь позже. Жди. Я скоро вернусь и принесу тебе денег. Ах ты, мародерка, и... – все равно, как я назвал ее еще.

Тогда я отправился, и по особому приказу Провидения... поймите, я делал хорошее дело... – рессоры Дениса выдержали. «Когда капитан пойдет за вещами, – подумал я, – он будет волноваться». В конце «Обрученных» капитан сел в свой кабриолет и поехал к дому полковника, а я сидел на лестнице и смеялся. Раза два-три я заглядывал в театральный барак, чтобы посмотреть, как продвигается маленькая пьеса; когда же она подошла к концу, я шмыгнул за дверь, остановился между экипажами и очень тихо позвал: «Джунги!» Одна карета тотчас двинулась, и я махнул рукой кучеру. «Отъезжай», – сказал я, и он поехал прочь. Когда я нашел, что достаточно отъехали, я прямо-прямохонько хватил его по переносице; он повалился с таким журчанием в горле, какое слышишь в пивном котле, когда в нем мало жидкости. Я побежал к своей одноколке, захватил все вещи мисс и втиснул их в карету. А пот так и катился по моему лицу. «Скорее домой, – сказал я первому попавшемуся мне саису. – Надо подобрать одного человека. Он тяжело болен. Уволоки его подальше. И если ты скажешь хоть слово о том, что увидишь, я измолочу тебе лицо так, что твоя собственная жена не поймет, кто перед ней». Я услышал топот ног. Значит, пьеса кончилась, и я побежал опускать занавес. Вот все вышли. Девушка спряталась за одним из столбов крыльца и сказала: «Джунги», да таким тихим голосом, что и заяц не испугался бы. Я кинулся к карете Джунги, схватил с козел старую лошадиную попону, завернул в нее свою голову и все остальное тело и поехал к тому месту, где стояла дочь полковника.

– Мисс-сахиб, – говорю. – Вы на станцию? Приказание капитана-сахиба. – Не проронив ни слова, она уселась между своими вещами.

---

¹ Trousseau – приданое (фр.).

Я подобрал вожжи, как паровоз, полетел к ее дому и приехал туда раньше, чем вернулся полковник. Девушка подняла крик, и я думал, что она умрет; из дома выбежала айя и принялась болтать о том, что капитан приезжал за вещами и отправился на станцию.

– Вынимай багаж, чертовка! – говорю я ей. – Не то я тебя зарежу.

Показались фонари экипажей, которые ехали от театрального барака; они двигались через учебную площадку. Боже, как работали эти женщины, мисс и ее айя, перетаскивая в дом тюки и чемоданы. Мне смерть как хотелось им помочь, но я удержался, не желая, чтобы меня узнали; я сидел, закутанный в попону, кашлял и благодарил всех святых за то, что стояла безлунная ночь.

Когда вещи снова были в доме, я даже не попросил бакшиша, а, потушив фонари своей одноколки, помчался в противоположную сторону от экипажей. Вдруг я увидел валявшегося на дороге негра и соскочил с козел, чуть не наехав на него. Право, мне казалось, что в эту ночь Провидение за меня. Это был Джунги; его нос совсем расплющился; он весь онемел, окоченел. Вероятно, его скинули с козел. Мошенник скоро очнулся. «Тс!» – сказал я ему, но он завыл.

– Ах ты, ком черной грязи, – прошипел я, – так-то ты правишь своим гхарри? Карета должна была ехать чуть ли не к границе страны, а ты валяешься, как свинья! Поднимайся, кабан! – Я повысил голос, услышав стук кабриолета. – Поднимись да зажги фонари, не то тебя задавят. – Мы с ним были на дороге к станции.

– Что это здесь, черт возьми? – раздался голос капитана, и я понял, что он в бешенстве.

– Пьяный кучер гхарри (кареты), сэр, – ответил я. – Я видел, как гхарри несли через лагерь, а теперь отыскал и пьяницу.

– А! – сказал капитан, – а как его зовут? – Я наклонился и сделал вид, что слушаю.

– Он говорит, что его зовут Джунги, сэр.

– Подержи-ка мою лошадь, – сказал капитан своему кучеру, соскочил на дорогу и принялся хлестать Джунги. Офицер обезумел от злости и ругался, как грубиян, каким он и был всегда.

Мне показалось, что капитан убьет Джунги, а потому я сказал: «Довольно, сэр, не то вы его заколотите до смерти». Тогда все бешенство офицера обратилось на меня, и он загнал меня проклятиями в ад и таким же способом выгнал оттуда. Я держал под козырек и стоял навтыжку.

– Сэр, – сказал я, – у каждого человека в этом мире есть свои права; и сдается мне, что многих исколотили бы прямо всмятку за сегодняшние дела... которые, как вы видите, сэр, не удались. «Теперь, – подумал я, – ты, Теренс Мельваней, сам перерезал себе горло, потому что он ударит тебя, а ты собьешь его с ног во спасение его души и навлечешь на себя вечный позор».

Но капитан не вымолвил ни слова. Он бросил Джунги, сел в своей кабриолет и уехал, не сказав мне «до свидания», а я вернулся к баракам.

– А что же было потом? – в один голос спросили мы с Орзирисом.

– Это все, – ответил Мельваней. – Никогда ни слова не слыхал я больше об этой истории. Я узнал, что они не убежали, а только этого мне и хотелось. Ну, теперь сами посудите, сэр, неужели десятидневный арест – надлежащее обращение с человеком, который поступал так, как я?

– Во всяком случае, – заметил Орзирис, – в этот раз дело не шло о полковничьей дочери, и ты был сильно под хмельком, когда старался вымыться в канаве форта.

– Вот уж это, – допивая шампанское, произнес Мельваней, – совершенно лишнее и дерзкое замечание.

Рассказ рядового Леройда

*И он рассказал историю.
Из хроники Гаутамы Будды*

Далеко от офицеров, вечно требующих осмотра амуниции, далеко от чутких носов сержантов, которые унюхивают набитую трубку в свернутом постельном белье, в двух милях от шума и суеты барачков находится «Ловушка». Это старинный сухой колодец, узловатое искривленное пиппаловое дерево ² бросает на него тень, высокая трава окаймляет его. Тут-то много лет назад рядовой Орзирис устроил склад такого своего имущества, мертвого и живого, которое нельзя было без опаски прятать в бараке. Он держал в колодце гуданских цыплят и фокстерьеров с несомненной генеалогией, на которых он имел более чем сомнительные права: Орзирис был прирожденный браконьер и принадлежал к числу самых ловких собачьих воров в целом полку.

Никогда снова не вернутся те долгие, тихие вечера, во время которых Орзирис, слегка насвистывая, походкой врача-хирурга расхаживал между своими пленниками; Леройд сидел в нише, давая ему мудрые советы относительно ухода за собаками, а Мельваней, свесив ноги с искривленного сука дерева, как бы благословляя, размахивал над нашими головами своими сапожищами и восхищал нас то военными и любовными рассказами, то отчетами о своих удивительных приключениях в различных городах и среди различных людей.

Теперь Орзирис завел лавочку для продажи чуел птиц, Леройд вернулся на свой родной дымный и каменистый север, очутился среди гула бедфордских ткацких станков; Мельваней же – седой, нежный и очень мудрый Улисс – устроился при земляных работах на Центрально-Индийской железнодорожной линии. Судите сами, могу ли я забыть старое время в «Ловушке»?

Этот Орзирис думает, будто он все знает лучше всех, и он вечно твердил, что она не настоящая леди, что в ее жилах течет смешанная кровь. Не стану спорить: лицо ее казалось слишком темным для англичанки, но она была леди, ездила в коляске, да еще на каких чудных лошадях, и волосы ее так блестели, что, право, вы могли бы видеть в них ваше отражение. Носила она также бриллиантовые кольца и золотые цепочки, шелковые да атласные платья. А не дешево продают товар в тех лавках, где материи достаточно для такой фигуры, какая была у нее. Звали ее миссис Де-Сусса, и я познакомился с ней из-за Рипа, собачки леди, жены нашего полковника.

Много перевидел я собак на своем веку, но этот Рип был самым хорошеньким образчиком умного фокстерьера. Право, я никогда не видел собаки лучше; он мог делать все, что вам угодно, только не говорил, и леди полковница дорожила им больше, чем любым христианином. У нее были собственные детишки, но в Англии, и Рип получал все те ласки, все то баловство, которые по праву принадлежали им.

Но Рип был разбойник, и у него вошло в обычай удирать из барачков и бегать повсюду, точно лагерное начальство во время инспекторского смотра. Раза два полковник вздул его, но Рип не обратил на это внимания; он продолжал свои осмотры, размахивая хвостом, ни дать ни взять делая флагами сигнал: «Спасибо, я здоров, а как вы?» Ну-с, полковник не умел обращаться с собаками, а это была славная собачонка, и немудрено, что она понравилась миссис Де-Сусса. Одна из десяти заповедей гласит, что человек не смеет желать вола своего соседа, ни осла его, но о терьерах там не сказано ни слова, и, вероятно, по этой-то причине миссис Де-

---

² Пиппала – фиговое дерево, *Ficus religiosa*.

Сусса желала Рипа, хотя постоянно ходила в церковь со своим мужем, который был настолько темнее ее, что, не будь у него такого хорошего пальто, вы могли бы, не солгав, назвать его чернокожим. Говорили, что он торгует индийской коноплей. И богат же был этот смуглый малый!

Рипа привязали, и здоровье бедняги пострадало. Поэтому леди полковница послала за мной: ведь было известно, что я понимаю толк в собаках. Она и спрашивает, что с ним такое? «Просто, – отвечаю я, – ему скучно, и он нуждается в свободе и обществе, как все мы, остальные. Вероятно, одна-две крысы скоро оживили бы его. Крысы, мэм, вещь низкая, – говорю я, – но такова уж собачья натура, ему нужно также погулять, встретить одну-другую собаку, побеседовать и подраться с ними, как подобает доброму христианину».

Тут она ответила, что ее собака никогда не дерется, что никогда не дерется также и порядочный христианин.

– Так зачем же тогда солдаты? – сказал я и принялся ей объяснять всевозможные собачьи свойства; а ведь если вы подумаете, то увидите, что собака – самая странная вещь в мире.

Псы учатся держаться, как настоящие, природные джентльмены, пригодные для самого лучшего общества. Говорят, сама «Вдова»³ любит хороших собак и узнает породистого пса, как только увидит его; с другой стороны, они любят кидаться за кошками и знают со всевозможными негодными уличными бродягами, ловят крыс и дерутся между собой, как дьяволы.

Вот леди полковница и говорит:

– Ну, Леройд, я с вами не согласна, но до известной степени вы правы, и я хотела бы, чтобы вы иногда брали Рипа на прогулку, только не позволяйте ему драться, бегать за кошками, вообще делать что-нибудь ужасное. – Вот ее собственные слова.

С этих пор Рип и я стали по вечерам гулять; он был такой собакой, которая делает честь человеку. С ним я наловил пропасть крыс, и раз мы устроили охоту в одной высохшей купальне, сразу за лагерем. Через несколько дней Рип стал веселеньким, как новая пуговица. Он бросался на больших рыжих собак-парий, точь-в-точь стрела из лука, и хотя весу в нем не было никакого, так неожиданно налетал на них, что они валились, как кегли от шара; когда же они кидались наутек, он бросался за ними, точно за кроликами. Также летел он и за кошкой, пробежавшей мимо нас.

Раз вечером мы с ним переправились через стену одного дома, за мангусом, которого он преследовал. Мы спустились около колючего куста; вдруг смотрим и видим миссис Де-Сусса. Закинула этак зонтик на плечо и смотрит на нас. «Ах, – говорит, – это тот хорошенький фокс-терьер? Он позволит себя погладить, м-р солдат?»

– Да, позволит, мэм, – говорю я. – Он любит общество леди. Поди сюда, Рип, поговори с этой доброй леди. – И, видя, что мангус уже удрал, Рип подходит. Как джентльмен, он никогда не боялся и не бывал неловким.

– Ах, какая ты красивая, хорошенькая собачка, – говорит она таким поющим нежным голосом, какой всегда бывает у подобных леди. – Мне так хотелось бы иметь собачку вроде тебя. Ты такой милый, такой ужасно хорошенький. – И дальше болтает все, что, может быть, совсем не нужно благоразумной собаке, но что она переносит в силу хорошего воспитания.

Потом я заставил Рипа прыгать через мою трость, давать лапку, просить, умирать, словом, проделал с ним всякие штуки, которым дамы учат своих собак, хотя мне самому подобные вещи не нравятся: это делает из хорошего пса дурака.

В конце концов выясняется, что она, уже давно, так сказать, «делала глазки» Рипу. Видите ли: ее дети выросли, у нее было мало дел и она всегда любила собак. И вот миссис Де-Сусса спрашивает меня, не хочу ли я выпить чего-нибудь. Мы идем в гостиную, где сидит ее муж. Они оба принялись возиться с собакой, а я получил бутылку эля и несколько сигар.

---

³ Популярное прозвище покойной королевы Виктории.

Наконец, я ушел, но эта дама крикнула мне: «О, м-р солдат, пожалуйста, придите опять с этой хорошенькой собачкой!»

Я не обмолвился леди полковнице о миссис Де-Сусса и Рипе; сам он, конечно, тоже не сказал ничего. Я стал заходить к смуглой барыньке, каждый раз получал хорошую выпивку, пригоршню отличных сигар и болтал ей о Рипе то, чего и сам никогда не слышал: сказал, будто он получил в Лондоне первую награду на собачьей выставке; будто за него дали его воспитателю тридцать три фунта четыре шиллинга; будто его брат у принца Уэльского и, наконец, будто у него так же длинна родословная, как у любого герцога. Она все это глотала, и ей не надоедало восхищаться им. Но когда миссис Де-Сусса вздумала дать мне денег, и я увидел, что она очень полюбила собаку, я стал кое-что подозревать. Всякий может дать солдату на кружку пива, так, из вежливости, и в этом нет ничего худого, но, когда в вашу руку незаметно суют пять рупий, легко понять, что вас пытаются подкупить и соблазнить. К тому же миссис Де-Сусса стала поговаривать, что прохладная погода скоро окончится, что она отправится в Мунсури Пахар, а мы в Ревальпинди и что после этого она уж никогда больше не увидит Рипа, если только кто-то, кого она знает, не пожалеет ее.

Я рассказал Мельванею и Орзирису всю историю с самого начала до самого конца.

– Эта скверная старая леди задумала мошенничество, – сказал ирландец, – она соблазняет тебя, мой друг Леройд, и хочет заставить решиться на воровство; но я буду защищать твою невинность. Я спасу тебя от злых замыслов этой богатой женщины; сегодня же вечером я пойду с тобой и скажу ей слова истины и чести. Но, Джек, – прибавил он, покачивая головой, – на тебя не похоже, чтобы ты наслаждался хорошим пивом и тонкими сигарами в то время, как мы с Орзирисом бродили здесь и во рту у нас было сухо, как в известковых обломках. Да и курили-то мы всякую дрянь, купленную в винном погребе.

Ты нарочно сыграл скверную шутку со своими товарищами; в противном случае, зачем было бы тебе, Леройд, качаться на атласном стуле? Точно Теренс Мельваней не такой же человек, как любой продавец индийской конопли.

– Не будем говорить обо мне, – прибавил Орзирис, – такова жизнь. Люди, действительно способные украшать общество, остаются в тени, а такие неуклюжие йоркширцы, как ты...

– Ах, – сказал я, – ей нет дела до неуклюжего йоркширца, ей нужен Рип. В данном случае главное лицо – он.

На следующий день Мельваней, Рип и я отправились к миссис Де-Сусса, и, так как ирландец был ей незнаком, она сначала стеснялась. Но вы слышали, как Мельваней говорит, и вам нетрудно поверить, что он совсем очаровал ее. Она, наконец, сказала, что ей хочется увезти с собой Рипа в Мунсури Пахар. Тут Мельваней переменял тон и торжественно спросил ее, подумала ли она о последствиях? О том, что двое бедных, но честных солдат будут отправлены в ссылку на убийственные острова. Миссис Де-Сусса заплакала. Мельваней стал утешать ее, согласился, что Рипу было бы гораздо лучше в горах, чем в Бенгалии, и высказал сожаление, что Рип не может жить там, где его так любят. Он продолжал говорить то так, то иначе, наконец, бедная леди почувствовала, что для нее жизнь будет не в жизнь, если собачка не достанется ей.

И вдруг Мельваней внезапно говорит: «Рип будет у вас, мэм, потому что у меня чувствительное сердце, не то что у хладнокровного йоркширца; только это обойдется вам ни на пенни меньше, чем триста рупий».

– Не верьте ему, мэм, – говорю я. – Полковник не отдаст Рипа и за пятьсот.

– А кто говорит, что отдаст? – спросил Мельваней. – Я говорю не о продаже; ради этой доброй, хорошей леди сделаю то, чего в жизни не делал. Я украду Рипа.

– Не говорите о краже, – возразила миссис Де-Сусса. – Он будет так счастлив! Вы знаете, собаки иногда теряются, потом пристают к кому-нибудь. А Рип любит меня, и я люблю Рипа, как никогда не любила ни одну собаку, и он должен быть у меня. Если бы мне дали его в последнюю минуту, я увезла бы его в Мунсури Пахар, и никто никогда ничего не узнал бы.

Мельваней время от времени посматривал на меня, и хотя я не понимал, что он задумал, но решил соглашаться с ним.

– Ну, мэм, – говорю я, – никогда мне и не снилось опуститься до кражи собак, но раз мой товарищ видит, как можно угодить такой леди, как вы, то я не стану удерживать его, хотя это дурное дело, думается мне, и триста рупий жалкая награда за возможность попасть на проклятые острова, о которых говорил Мельваней.

– Я дам триста пятьдесят, – сказала Де-Сусса, – только дайте мне собачку.

Так мы позволили уговорить себя; она тотчас же смерила шею Рипа и послала в Гамильтон заказать серебряный ошейник, чтобы он был готов к тому времени, когда Рип станет ее собственностью, а это должно было случиться в день ее отъезда в Мунсури Пахар.

– Вот что, Мельваней, – говорю я, когда мы вышли из дома. – Ты не отдашь ей Рипа.

– Неужели ты захочешь огорчить бедную старую женщину? – говорит он. – У нее будет «свой» Рип.

– А откуда ты возьмешь его? – спрашиваю я.

– Леройд, милейший, – тянет он, – ты красивый человек, рослый и хороший товарищ, но голова у тебя сделана из теста. Разве наш друг Орзирис не «таксидермист», не настоящий художник, мастерски владеющей своими тонкими белыми пальцами? А что такое таксидермист, как не человек, который умеет обращаться с мехами? Помнишь ты белую собаку лагерного сержанта, скверную, злую, которая половину времени пропадает, а другую половину ворчит? На этот раз она потеряется совсем. Заметил ли ты, что по форме и росту этот пес – настоящий слепок с фокса полковника, хотя его хвост длиннее на один дюйм и на нем нет пятен настоящего Рипа? Ну и характер у него такой же, как у его хозяина, или еще лучше. Но что значит один дюйм собачьего хвоста и несколько черных, коричневых и белых пятен для такого ловкого профессионала, как Орзирис? Ровно ничего.

Скоро мы встретили Орзириса, и, так как этот человек был острее иглы, он в одну секунду понял, чего от него ждут. На следующий день он принялся практиковаться в окраске шкур начав со своих белых кроликов. Вскоре он поместил все пятна Рипа на спине белого комисариатского теленка, чтобы запомнить их и быть уверенным в оттенках. Орзирис переводил коричневый цвет и черный совершенно натурально. Если у Рипа был какой-нибудь недостаток, так именно слишком большое количество пятен; зато они располагались на удивление симметрично.

К тому времени как Орзирис захватил собаку сержанта, наш друг так наострился, что мог первоклассно исполнить свое дело. Никогда в мире не было такой злой собаки, как пес сержанта; и он, конечно, не подобрел, когда его хвост укоротили на полтора дюйма. Но пусть люди рассказывают о Королевской академии, если им угодно. Лично мне не случалось видеть картины с изображением животного, которая была бы лучше копии Орзириса с милого Рипа, несмотря на то, что копия эта ворчала, скалила зубы и старалась кинуться на смиренный и привлекательный оригинал. Не собака, а золото был этот Рип!

В Орзирисе всегда было столько сомнений, что оно могло бы поднять воздушный шар, и ему так понравился его поддельный Рип, что он хотел отвести его к миссис Де-Сусса раньше ее отъезда. Но мы с Мельванеем не позволили ему этого, зная, что, как ни велико искусство Орзириса, его поверхностная живопись могла живехонько соскочить с собачьей шерсти.

Вот, наконец, миссис Де-Сусса назначила день своего отъезда в Мунсури Пахар. Мы решили принести Рипа на станцию в корзине, передать ей его как раз перед отходом поезда и тогда же получить от нее деньги; все, как было договорено.

И право, ей давно было пора уехать; пятна на спине собаки требовали множество материала для поддержания их надлежащего колера; Орзирису пришлось истратить на краски семь рупий и шесть анна в лучшем аптекарском магазине Калькутты.

Тем временем сержант повсюду искал свою собаку; она же сидела на привязи, и ее характер становился все хуже и хуже.

Вот раз вечером поезд пришел со стороны Ховраха. Мы помогли миссис Де-Сусса сесть в вагон и подали ей около шестидесяти ящиков, наконец, поднесли и нашу корзину. Из гордости Орзирис попросил нас позволить ему пойти с нами и не мог не приподнять крышку и не показать ей собачки, которая свернулась клубком.

– О, – сказала смуглая особа, – красавчик, какой он миленький! – В эту минуту «красавчик» заворчал и оскалил зубы. Поэтому Мельваней закрыл крышку и сказал:

– Смотрите, мэм, вынимая Рипа, будьте осторожны. Он отвык путешествовать по железной дороге и, вероятно, будет скучать по своей настоящей хозяйке и по своему другу, Леройду; итак, на первых порах принимайте во внимание его чувства.

Да, она сделает все это и еще больше для дорогого доброго Рипа; она также не откроет корзины, пока они не уедут на много миль; она и сама боится, чтобы кто-нибудь не узнал его; мы же истинно добрые, хорошие солдаты, действительно хорошие. И она передала мне пачку кредитных бумажек; в это время к вагону подошли ее друзья и знакомые проститься с нею – их было не больше семидесяти пяти. Ну а мы сейчас же ушли.

Что стало с тремястами и пятьюдесятью рупиями? Трудно сказать; они растаяли у нас в руках, прямо растаяли. Мы поделили их поровну, потому что Мельваней сказал: «Если Леройд первый познакомился с миссис Де-Сусса, я вспомнил о собаке сержанта; Орзирис же был художник – гений, который создал произведение искусства из безобразного произведения природы. Однако в виде благодарности за то, что дурная старая женщина не довела меня до мошенничества, я отдал часть денег отцу Виктору для бедных, для которых он всегда просит пожертвования».

Но мы с Орзирисом смотрели на вещи иным образом: он из лондонского пригорода; я уроженец далекого севера. Мы получили деньги и хотели владеть ими. И деньги были у нас, правда, короткое время.

Ну, мы никогда больше не слышали об этой смуглой женщине. Наш полк пошел в Пинди, и сержант завел себе другую собаку вместо той, которая постоянно пропадала и, наконец, окончательно потерялась.

Опьяневшая партия отслуживших срок

Случилась ужасная вещь! Мой друг рядовой Мельваней, который в свое время, не очень давно, отправился на родину на «Серापисе», вернулся в Индию штатским! Это все из-за Дины Шад. Она не могла выносить тесных квартир, и ей недоставало ее слуги, Абдуллы, больше, чем можно выразить словами. Главное же – супруги Мельваней слишком долго пробыли здесь и отвыкли от Англии.

Мельваней знал одного подрядчика на одной из новых центральных железнодорожных линий и попросил у него места. Подрядчик ответил, что, если Мельваней может за свой счет вернуться в Индию, он, в память о прежних днях, поручит ему заведовать партией кули и за надсмотр за ними будет платить восемьдесят пять рупий в месяц. Дина Шад сказала, что, если Теренс не примет предложения подрядчика, она превратит его жизнь в кромешный ад. И Мельваней вернулся штатским, что составляло великое и страшное падение, хотя мой друг старался замаскировать это, говоря, что теперь он «шишка» на железнодорожной линии и вообще человек видный.

На бланке для заказа инструментов он написал мне приглашение посетить его, и я приехал в смешное маленькое временное бунгало на линии. Дина Шад повсюду посадила горох, а природа рассеяла всевозможные травы около дома. Мельваней не изменился, изменилась только его одежда, это было ужасно, но непоправимо. Он стоял на своей платформе, говорил с кули, по-прежнему высоко подняв плечи; его крупный толстый подбородок был, тоже по-прежнему, чисто выбрит.

– Теперь я штатский, – обратился ко мне Мельваней. – Разве можно сказать, что я когда-нибудь был военным человеком? Не отвечайте, сэр, вы колеблетесь между комплиментом и ложью. С тех пор как у Дины Шад есть собственный дом, на нее нет управы. Войдите в комнаты и, напившись чаю из фарфоровой посуды в гостиной, вернитесь сюда; мы, как христиане, выпьем здесь под деревом. Прочь вы, негры! Сахиб приехал ко мне в гости, и он никогда не сделает этого для вас. Убирайтесь же, копайте землю, да живее, и работайте до заката.

Когда мы втроем удобно разместились под большим деревом против бунгало и первый шквал вопросов и ответов о рядовых Орзирисе и Леройде, о старых временах и местах замер, Мельваней задумчиво сказал:

– Приятно думать, что для меня завтра нет парада, нет капрала с набитой тестом головой, который всегда готов дать тебе тумака. А между тем не знаю... Тяжеловато быть тем, чем никогда не был и не собирался быть, и знать, что старые дни для тебя миновали. Ох, я покрываюсь ржавчиной. Право, мне кажется, Богу неуютно, чтобы человек служил королеве только короткое время.

Он налил себе новый стакан и яростно вздохнул.

– Отпустите себе бороду, Мельваней, – сказал я, – тогда подобные мысли не будут смущать вас. Вы станете настоящим штатским.

Еще в гостиной Дина Шад сказала мне о своем желании уговорить Мельванея отпустить бороду.

– Это так по-штатски, – заметила бедная Дина, которой было противно, что ее муж вечно вздыхает о прежней жизни.

– Дина Шад, ты позор для честного, чисто выбритого человека! – не отвечая мне, сказал Мельваней. – Отрасти бороду на своем собственном подбородке, дорогая, и оставь в покое мои бритвы. Только они одни спасают меня от падения. Если я не буду бриться, меня станет вечно мучить оскорбительная жажда, потому что в мире нет ничего, что так сушило бы горло как большая козлиная борода, которая болтается под подбородком. Ведь ты же не хочешь видеть

меня «всегда» пьяным, Дина Шад? Между тем от одних твоих слов мое нутро сохнет. Дай-ка мне посмотреть на виски.

Виски подали, бутылка обошла круг, и Дина Шад, которая недавно с такой же живостью, как ее муж, расспрашивала о наших общих старинных друзьях, теперь резанула меня фразой.

– Стыдно вам, сэр, приехать сюда (хотя святые знают, что здесь радуются, как дневному свету, когда вы приезжаете) и набить голову Теренса глупыми мыслями о том... о том, что лучше всего забыть. Он теперь штатский; а ведь вы никогда и не были никем другим. Разве вы не можете оставить армию в покое? Разговоры о ней вредны Теренсу.

Я обратился к покровительству Мельваней, потому что у Дины – характерец!

– Хорошо, хорошо, – сказал Мельваней. – Ведь только изредка могу я поговорить о старых днях. – Обращаясь ко мне, он прибавил: – Вы говорите, что Барабанная Палка здоров и его леди тоже? Я и не знал, насколько я люблю этого седого, пока не очутился вдали от него и от Азии. (Барабанная Палка – прозвище полковника, командира бывшего полка Мельваней.) – Вы увидите с ним? Увидите, так скажите ему, – глаза Мельваней блеснули, – скажите ему, что рядовой...

– Мистер Теренс, – поправила его Дина Шад.

– Пусть дьявол, все его ангелы и небесный свод унесут «мистера» и пусть грех, который ты совершила, заставив меня браниться, прибавится к списку твоих прегрешений на исповеди, Дина Шад! Рядовой, говорю я... что рядовой Мельваней шлет ему свое почтение и просит передать, что без этого самого Мельваней последний отряд отслуживших срок до сих пор буянил бы на пути к морю...

Он откинулся на спинку кресла, слегка посмеялся и замолчал.

– Миссис Мельваней, – сказал я, – пожалуйста, возьмите бутылку виски и не давайте ему пить, пока он не расскажет всю историю целиком.

Дина Шад унесла бутылку, говоря в то же время: «Ну, тут нечем гордиться». Таким образом она заставила своего мужа начать рассказ.

– Это было во вторник. Я расхаживал с партией по насыпи, учил кулиев ходить в ногу и останавливаться внезапно. Вот ко мне подходит староста, и я вижу, что вокруг его шеи болтается двухдюймовая бахрома изорванного ворота рубашки, а в глазах беспокойный свет. «Сахиб, – говорит он, – на станции полк; солдаты бросают горящую золу на все и на всех. Они хотели повесить меня, как я был, одетого. Еще до ночи там будет убийство, разрушения и грабеж. Солдаты говорят, что они пришли разбудить нас. Что нам делать с нашими женщинами?»

– Мою коляску! – закричал я, у меня всегда сердце болит от намеков на все, что касается мундира королевы! – Скорее рикшу и шестерых самых проворных людей! Везите меня торжественно и парадно!

– Он надел свой лучший сюртук, – с упреком вставила Дина.

– В честь «Вдовы». Я не мог поступить иначе, Дина Шад. Но ты и твои замечания мешают плавному течению моего рассказа. Думала ли ты когда-нибудь, каков был бы я, если бы мою голову обрили так же, как подбородок? Помни это, Дина, дорогая.

Меня провезли шесть миль только для того, чтобы я одним глазком посмотрел на отпускных. Я знал, что это были отправляющиеся домой солдаты, срок службы которых закончился весной, потому что в этой округе не стоит ни один полк... к сожалению.

– Слава Святой Деве! – прошептала Дина, но Мельваней не слышал ее слов.

– Когда я был уже в трех четвертях мили от временного лагеря, клянусь душой, сэр, я различил голос Пега Барнея, который ревел, как бизон, от боли в животе. Помните вы Пега Барнея? Он был в роте Д; такой краснолицый, волосатый малый, со шрамом на челюсти. В прошлом году он шваброй разогнал юбилейный митинг синих.

Я понял, что это были отслужившие срок из моего старого полка, и мне стало до смерти жалко малого, которому их поручили. Нас всегда было трудно удерживать. Рассказывал ли я

вам, как Хокер Келли прошелся без платья, точно Феб Аполлон, захватив под мышку бумаги и рубашки капрала? А он еще был мягкий человек. Но я отвлекаюсь. Прямо стыдно полкам и армиям, что они поручают мальчикам-офицерам отслуживших срок, взрослых, сильных людей, обезумевших от выпивки и от возможности никогда больше не видеть Индии, причем между лагерем и доками их нельзя наказывать. Вот ведь какая нелепость! Пока я служу, я под властью военного устава, и меня всегда могут «пришпилить». Отслужив же свой срок – я запасной, и военный устав меня не касается. Офицер не может ничего сделать отслужившему срок; имеет только право запереть его в бараке... Это мудрое правило, потому что у отслужившего срок нет барака; ведь он все время в движении. Соломоновское правило, право! Я хотел бы познакомиться с человеком, который придумал его. Легче взять необученных трехлеток на конной ярмарке в Кибберине и доставить их в Гальве, чем провести буйную партию отслуживших срок десять миль. Вот потому-то и составили это правило! Боялись, чтобы юные офицерики не стали обижать отпускных. Но все равно... Слушайте. Чем ближе подъезжал я к временному лагерю, тем ярче становился свет, тем звучнее слышался голос Пега Барнея. «Хорошо, что я здесь, – подумал я – один Пег может занять двоих или троих малых». Я чуял, что он напился, как кучер.

Признаюсь, лагерь представлял зрелище. Все веревки от палаток перепутались; колышки казались такими же пьяными, как люди. Здесь было человек пятьдесят, все самые отчаянные, самые пьющие, самые обожающие дьявола люди из старого полка. Поверьте, сэр, вы никогда в жизни не видывали так сильно напившихся людей. Как напивается партия отслуживших срок? Как жиреет лягушка? Впитывают жидкость через кожу.

Пег Барней сидел на земле в одной рубашке; одна его нога была обута, другая нет; сапогом он перекидывал колышек через свою голову и пел так, что мог бы разбудить мертвого. Нехорошую песню он пел; это была чертова обедня.

– Что? – спросил я.

– Когда скверное яйцо выкидывают из армии, исключенный поет чертову обедню, то есть нараспев клянет всех, начиная от главнокомандующего и до казарменного капрала, да так клянет, как вы никогда не слыхивали. От брани некоторых людей сохнет зеленая трава. И Барней пел эту песню, бросая колышек в честь каждого человека, которого он проклинал. У Пега был сильный голос, и он, даже трезвый, отчаянно ругался. Я остановился перед ним, но с глазу на глаз не решился сказать ему, что он пьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.